

люны людей, не пріобщаясь въ какой-либо сектѣ, совсѣмъ отошли оть церкви, отрѣшились оть обрядовъ своей религіи, даже оть всей ея метафизики, и стали чистыми деистами. А успѣхи естественныхъ наукъ, подорвавъ вѣру въ метафизическое, объяснили множество загадочныхъ явлений строго реально и расчистили дорогу для материализма. Голосъ Толстого раздался въ этой области уже вслѣдъ за многими другими голосами, прозвучавшими очень громко и отвлекшими оть церкви множество людей.

Однако, быть можетъ, слѣдуетъ сопричислить Толстого къ религіознымъ реформаторамъ потому, что его взглядъ на бессмертіе души рѣзко отклоняется оть христіанского вѣроученія?—И это не оправдывается признаніемъ его обновителемъ религіи. Вѣра въ душу безъ начала и конца, какъ понималъ еще Платонъ, не вноситъ въ кругъ человѣческихъ идей ничего, способнаго удовлетворить сколько-нибудь значительное число людей. Обѣщаніе возмездія въ загробной жизни и угроза карами, что мы находимъ въ догматическихъ религіяхъ, лучше отвѣчаетъ на запросы простыхъ людей, а ростъ естествознанія все больше подготавливаетъ почву для воспріятія идей материалистического монизма и все больше подрываетъ вѣру въ существованіе духа въ вещества, съ которымъ онъ связанъ. Старинное представленіе о душѣ, введенное въ оборотъ Толстымъ, неспособно захватить многихъ и не можетъ повести къ образованію самостоятельной и многочленной религіозной общины.

Легкомыслѣе при оцѣнкѣ возможности общественныхъ преобразованій выступаетъ особенно выпукло въ отношеніи Толстого къ вопросу о землѣ. Онъ требуетъ ея изъятія изъ частной собственности.

Сама по себѣ такая мѣра можетъ возбуждать полное сочувствіе всѣхъ, кто проникнутъ идеаломъ общественной справедливости. Но, принимая идеи Джорджа, Толстой впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, а потому и даетъ нечто, весьма несовершенное. Онъ разсчитываетъ, что эта мѣра можетъ быть легко проведена съ согласія землевладѣльцевъ, которые общимъ ходомъ дѣлъ подготавливаются къ отказу отъ своего права на землю. Онъ полагаетъ, что мирной стачки тѣхъ, кто работаетъ на крупныхъ и среднихъ сельскихъ хозяевъ, или же арендуетъ землю частныхъ владѣльцевъ, будетъ достаточно, дабы совершился желанный переворотъ. Но планъ Джорджа, за который стоитъ Толстой, не можетъ быть проведенъ посредствомъ общаго распыльчатаго альтруизма: для его выполненія необходима политическая реформа, опредѣленное настроеніе большинства въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Это большинство должно быть проникнуто истинно-демократическимъ духомъ, должно быть равно-душно къ тому, готовы ли владѣльцы отказаться отъ земли, или же относятся къ этой мѣрѣ съ негодованіемъ. Преобразованіе въ духѣ Джорджа можетъ быть совершено только подъ условіемъ, что законодатель подкрепляетъ его мѣрами принужденія со стороны государства.

Въ критической части ученія Толстого многое совсѣмъ нелѣпо. Таковы, напримѣръ, его разсужденія о деньгахъ и раздѣленіи труда, какъ о главныхъ источникахъ рабства; о томъ, что невозможность для каждого пользоваться землею тяжеле личной зависимости отъ господина; что отбываніе воинской повинности ничѣмъ не лучше рабскаго состоянія; что 49/50 налоговъ, которые поступаютъ въ государственную казну, затрачиваются ко вреду для народа; что государствомъ обыкновенно управляютъ худшіе; что переходъ отъ власти монархической, неограниченной, къ парламентарному строю служить въ пагубѣ для народа, такъ какъ умножаетъ въ странѣ фокусы, откуда истекаютъ развращающія вліянія; что въ мірѣ наблюдается все болѣе жестокости и т. д., и т. д.¹⁾ Но, несомнѣн-

¹⁾ Это разсмотрѣно болѣе подробно въ моей книгѣ. См. Исаѣцъ Ф. Толстой, какъ мыслитель. СПБ. 1911.